

Нарушитель

рассказ

О подобном случае сообщали "Известия"
19 августа 1968 года со ссылкой на то,
что в истории авиации такое бывало.

Солнце нещадно палило.

Как всегда, в нашей "кают-компании" рассказывали о необычном.

Особое впечатление оставила история о знаменитой посадке воздушного гиганта Ту-114 без переднего колеса. При взлете оно заклинилось, и резиновые покрышки сгорели.

Командир решил не возвращаться на аэродром, а лететь с Дальнего Востока до Москвы, чтобы истратить в пути все горючее и попытаться посадить облегченную машину только на колеса, расположенные под крыльями, подобно птице, садящейся на лапы. Но одно дело птица, а другое дело исполинский лайнер.

Весь долгий перелет пассажиры не подозревали, какая опасность им грозит. Экипаж вел себя невозмутимо, а бортпроводница с милой улыбкой разносила завтраки, газеты, журналы и конфетки перед посадкой.

На посадочном поле под Москвой их ожидали красные пожарные машины, кремовые санитарные с красными крестами и черные "Волги" и "Чайки", на которых примчались те, кто отвечал за полет и безопасность пассажиров. Приехал даже сам главный конструктор самолета Андрей Николаевич Туполев.

Все обошлось благополучно. Пилот совершил чудо.

Переместив грузы и пассажиров в хвост корабля, он сел на "задние лапы" с "задранным носом". Но переволновались все крепко. Все, кроме ничего не подозревавших во время полета пассажиров, один из которых так и проспал все опасное время. Бортпроводница, как все признали, была на высоте!

— Да, — многозначительно сказал подполковник милиции, сухопарый человек с впалыми щеками и пристальными серыми глазами. — Недаром летчикам желают не столько счастливого пути, сколько

“счастливых посадок”. Припоминается мне история с одним нарушителем.

— Ну вот! При чем тут нарушитель, — недовольно сказал один из слушателей.

Но на него зашикали и попросили подполковника рассказать.

Он встал, оказавшись человеком высокого роста.

На груди у него красовалась многоярусная колодка, говорящая об орденах, полученных, вероятно, не только за службу в милиции. Он подошел к нам поближе и сел:

— В милицию я попал уже после демобилизации, когда война кончилась. Так и остался на этой службе. Работал в Заполярье. Хотел соединить привычную воинскую дисциплину с романтикой. — И он пристально оглядел своих слушателей. — А после Заполярья назначили меня начальником отделения ГАИ-БД (автоинспекции и безопасности движения) под Москву. Однажды требовалось мне попасть к определенному часу на Шереметьевский аэродром. Подмосковное шоссе, которое я опекал, одно из самых трудных: узкое, еще не полностью реконструированное, забитое машинами, особенно в часы “пик”.

Предвидя это, я выехал пораньше. Но грузовой поток уже шел в город. Времени у меня было достаточно, я не торопился, пристроился в хвост какому-то самосвалу.

Вдруг мимо меня со свистом пролетел огромный бензовоз и пошел в обгон после запрещающего знака.

Я добавил газу, чтобы догнать нарушителя. Но не такая это простая задача оказалась. Лихач неся по левой стороне шоссе, заставляя встречные машины сворачивать на обочину. Безобразие! И зачем только конструкторы допускают такие скорости у грузовых машин!

Конечно, из мотоцикла можно было и больше выжать.

Но не мог же я идти в лоб на встречные машины, подобно нарушителю. И тогда пришлось мне съехать на правую обочину и обгонять колонну машин справа.

Ну, знаете ли, тут уж я лихаческую скорость в полной мере ощутил. Вытрясло меня так, как мне самому хотелось бы вытрясти этого нарушителя.

Пришел мне на помощь закрытый шлагбаум переезда. Все же лихач умудрился незаконно встать перед самым шлагбаумом во втором ряду. Тут я к нему и подъехал. Остановил мотоцикл на обочине, подхожу и скрепя сердце приветствую нарушителя по всей форме, как генерала какого. Прошу предъявить удостоверение на право вождения. К нам постовой инспектор спешит из нашего отделения, Семечкин.

Водитель высунулся из кабины, но я на него так был зол, что даже в лицо ему на посмотрел. Гляжу в небо с белыми шарфами от самолетов и руку к машине протягиваю. Вручил он мне права. Взглянул я на них, на фотографию, потом на дверцу кабины...

— И что же? — не утерпел мой сосед. — Отобрали права или оштрафовали нарушителя?

— В том-то и дело, что нет, — признался подполковник милиции. — Приказал я инспектору Семечкину взять мотоцикл, а сам сел в кабину бензовоза. Шлагбаум подняли. — Гони, — говорю.

— Так, значит, нарушителем были вы! — почему-то обрадовался мой сосед.

Подполковник пожал плечами:

— Что же, вернемся тогда назад. Признаться вам, после войны я не только из-за романтики в Заполярье поехал. Неудачно жизнь моя сложилась. Пока был я на фронте, жена моя вроде как бы “замуж вышла” за эстрадного артиста. Я в отпуск приезжал и заставил себя побывать на их представлении. Увидел жену в серебряной кофточке с обнаженными ногами, руками и шеей. Она улыбалась, реверансы публике делала и подавала своему партнеру шары, трости, тарелки и прочий жонглерский инвентарь. И так мне ото всего этого вдруг горько стало, что я тут же пошел за кулисы и дал согласие на развод. Ну и пожелал жене новых радостей. Дочурка у нас была. Лада. Меня зовут Зосимой! А я ее по старорусскому Ладой называл, вопреки желанию жены. Помню, я ей доказывал, что Ярославна, жена князя Игоря, это по отцу

так звалась. А имя у нее было Лада, не только ласкательное, а самое настоящее. Ничего жена слушать не желала, и скандал у нас получился огромный. Но характер у меня в ту пору, надо думать, не из лучших был. После развода нашего девочка осталась у бабушки, у моей матери. Бывшую жену это устраивало. Ей с новым мужем приходилось все время ездить. А потом... случилось так, что не пожелал им кто-то "счастливых посадок". Разбился при посадке самолет, на котором они в Сибирь на гастроли летели. Погибла моя бывшая супруга вместе со своим партнером.

Так моя дочка у бабушки сироткой и осталась. Она ее и воспитала. Вернулся я с войны. Дочь подросла. Ни отца, ни матери как следует не знает. В бабушке у нее все. И не решился я ее у бабушки отнять. Мы и не повидались с ней как следует. Боялся я к ней привязаться. А жить в старой пустой квартире, признаться вам, немоготу мне стало. Вот я и подался в Заполярье. Видите, какая романтика, — с горечью добавил он.

Слушатели уже не прерывали рассказчика.

— И попал я в город Норильск. Наш заполярный индустриальный центр. Дома многоэтажные. Асфальт.

Светофоры даже. Машин, конечно, меньше, чем на Большой земле, но тоже немало. Возглавил я там автоинспекцию. Да так и застрял на много лет. Дорог в тундре достаточно появилось. Нарушителей тоже. Дел хватало. А личной жизни настоящей не было. Одна радость, когда в отпуск на Большую землю отправлялся. Тут уж у меня всегда договоренность с бабушкой и Ладой была. Проводили мы с дочкой отпуск вместе. Пролетали месяцы, как листочки календаря, шквальным ветром подхваченные. Расставаться с каждым разом все труднее становилось. И стал я помышлять о возвращении на Большую землю. Дочь уже в институте училась.

И вдруг Лада моя далекая пишет, чтобы я никаких шагов не предпринимал, она сама ко мне на Север отправится. А что ей у нас делать? Она в институте иностранных языков училась. Двадцать второй год ей шел. Вот, думаю, это настоящая дочерняя любовь! За отцом хоть на Северный полюс!

Не успел я ей место присмотреть, как получаю телеграмму. Летит ко мне моя Лада на рейсовом самолете Красноярск — Игарка. Притом летит не пассажиркой, а в качестве бортпроводницы.

Вот это сюрприз! Приехал я на аэродром. Начальником аэродрома был мой фронтовой товарищ боевой майор Куценко, здоровенный мужичище, под стать Поддубному, и усы такие же, как у знаменитого борца, и борьбой так же увлекался. Я как-то на фронте попробовал с ним схватиться. Чуть не задавил меня, медведь этакий, еле вывернулся. А еще Олесем заставлял себя называть. Олесь — это что-то нежное, а тут... Нет, я уж его Александром Федоровичем....

Увидев меня на аэродроме, он обрадовался: “Куда летишь?” — спрашивает.

А я никуда не лечу. Я дочь встречаю с рейсовым самолетом Красноярск — Игарка.

“Добре, добре, — пробасил он, усы поглаживая. — Зайдет к нам на посадку Ил-14. Двигай на поле. Провожу. А потом отметим прибытие. По старинке. Как положено”. — И смотрит на меня выразительно одним глазом.

Пришлось ему объяснить, что я теперь всегда за рулем — это раз. А во-вторых: дочь “пролетом”, так сказать, мимо меня, а не ко мне. И все же не мог я перед старым другом не похвастаться любящей дочкой. Ради меня в бортпроводницы пошла, чтобы с отцом видаться.

“Значит, теперь частенько встречаться будем”, — заключил Александр Федорович и повел меня на летное поле.

Аэродром у него уже по всей форме сделан с бетонированными дорожками, не то что в фронтовых условиях.

Вижу, снижается Ил-14. Аккуратно так. Коснулся колесами посадочной полосы, приземлился на все три точки. Классно!

Сначала пассажиры выходили, с чемоданами, с рюкзаками. Предпочитали сразу багаж брать, а не в аэропорту дожидаться. А потом появилась в дверном проеме и моя Лада. Ладная такая, стройная, в облегающей голубой форме, ну прямо наша регулировщица на улицах Берлина! Когда-то мы с Олесем, то бишь с Александром Федоровичем, на

таких заглядывались. А теперь я собственной дочерью любовался. Пилотка на ней чуть набекрень надета, волосы светлые пушком, глаза синие, и улыбка. Ничто так не красит женщину, как улыбка!

Улыбка Ладу мою красавицей делала. Сойти ей на землю я не дал, сам своими руками с последних ступенек снял и крепко сжал в объятиях.

Александр Федорович по плечу меня похлопал: "Эй, Зосима Петрович! Придушишь бортпроводницу нашу, медведище!" Я их и познакомил. Медведище-то не я, а он, конечно, был.

Но вскоре улетела моя Лада. Не успел я с ней наговориться. Тоскливо мне стало. Еду назад по шоссе, размышляю. Зачем же ей на Севере над головой моей летать? Не проще ли мне на Большую землю перебираться? Да и бабушка совсем плоха стала, каково ей без внучки? А я... разве я здесь насмотрюсь на нее?

Только сорок минут и видел. Командир корабля заправляться горючим не стал, отложил до обратного пути.

Значит, завтра с Ладой снова увижусь!

И стал я часы высчитывать, сколько до ее возвращения осталось.

Из Игарки самолет вылетает рано утром. Лететь недолго. И я пораньше к аэродрому на служебном мотоцикле выехал. Заодно рассчитывал шоссе проинспектировать.

Выезжаю прямо на летное поле. Вижу, Куценко уже на месте, а неподалеку и бензовоз приготовлен, чтобы заправить Ладин самолет.

Стоим мы с Александром Федоровичем на густой траве и оба дивимся, до чего же здесь, в Заполярье, травы густые и сочные. И всюду словно голубые брызги рассыпаны. Это цветочки. Лето короткое, и все растущее торопится набраться сил, щедрой жизнью расцвести. Одно слово — тундра! Недаром несчетные олени стада на ней кормятся. Под зеленым покровом — вечная мерзлота. Летом кое-где нередко провалы образуются, как воронки от снарядов. Потому прямо по тундре на машинах ездить не очень удобно. Местные жители предпочитают по траве на нартах, запряженных оленями.

Шесть штук — веером.

“Ну, друже Зосима Петрович, сегодня твоей бортпроводнице проверка настоящая выходит”.

“А что такое?” -спрашиваю. “Качка там, болтанка будьте ласковы! — И он указал на низкие облака. — Ям в воздухе поболее будет, чем в тундре”.

Но “воздушное бездорожье” Ладин самолет благополучно преодолел и из облаков вынырнул. На посадку идет.

Почему-то вспомнил я, что не пожелал Ладе, когда улетаала, “счастливых посадок”. И сразу вижу, глазам не верю: у самолета только одно колесо под крыльями выдвинулось. Правое шасси не сработало.

Дух у меня захватило. Пугливым меня на фронте никто не считал, в переделках я всяких бывал. Но одно дело страх за свою шкуру испытывать, другое — за судьбу дочери, словно вновь обретенной.

Пот у меня на лбу выступил. Посмотрел я на друга своего Куценко. И у того лицо мокрое, хоть полотенцем вытирай.

Вижу, самолет над аэродромом круг делает, на посадку идти не решается. Да и как тут сесть, когда даже не на “задние лапы” садиться надо, а как бы на одну “лапу”, если не считать переднего колеса.

Подбегает к нам водитель бензовоза. Я его сразу узнал. Недавно у меня с ним объяснение на шоссе было.

Штрафовал я его, но прокола в талоне не сделал. Пожалел парнишку. Славный был парень. На фронте, конечно, не побывал, молод еще. Но в армии отслужил.

Потому подбежал и по всей форме говорит: “Разрешите обратиться, товарищ майор милиции”. Куценко к диспетчерской побежал по радио с пилотом договариваться. Я Ваню выслушал — так паренька звали — и потащил его вслед за начальником аэродрома.

Но, чтобы вам дальше все поведать, должен я рассказать, что на самолете происходило.

Летели там в числе прочих пассажиров — моряков, горняков, геологов, строителей — несколько примечательных людей. Прежде всего Сходов Василий Васильевич, знаменитый полярник, начальник крупнейшей зимовки, все вы знаете. Худой, сдержанный и

непреклонный. Потом Пузырев Эдуард Ромуальдович, заготовитель пушнины, низенький балагур, любитель поесть и попить, и не только фруктовую воду. И еще — Зинаида Георгиевна, знатная дама, жена большого начальника, привозившая в Заполярье последние моды прямо из зарубежных поездок. С ней рядом сидела скромная учительница Таня из интерната, недавно открытого в тундре. И с ней вместе трехлетняя дочка, тоже Таня. Танечка. Ну и еще там был, так сказать, “главный герой” Игорь Ольгович Логов, так он свое имя-отчество произносил. Окончил он недавно в Москве авиационный институт и в Арктику летал для собственного удовольствия, как “индивидуальный турист”. Носил он зеленую туристическую робу на “молниях” и на ней два значка: альпинистский (первый разряд имел!) и парашютистский с двузначной цифрой по числу сделанных прыжков, то ли тридцать, то ли пятьдесят. С виду он был богатырь, лицо голливудское, борода модная, запущенная в знак того, что пребывает в походе. И всегда белозубая улыбка на лице.

Начальник аэропорта прав был насчет испытания нашей бортпроводницы. Погода выдалась пренеприятнейшая для полета. Едва поднялся самолет в Игарке, как начало его болтать. Проваливался он в ямы, как сорвавшаяся в шахту бадья. У людей дух захватывает, внутренности, как говорится, к горлу подступают. Многие из пассажиров не новички, привычные были, морской болезни не подверженные. Не то что моя Лада. Ей нужно было ходить, прямо держаться, обслуживать пассажиров, которым плохо становится, нарзан и таблетки разные подносить, улыбаться. А она сама еле жива.

Тут Зинаида Георгиевна, знатная дама, и говорит: “Простите меня, стюардесса. Когда вы объявляли номер рейса, фамилию командира и на какой высоте мы идем, на вас лица не было. Так же точно случилось перед вынужденной посадкой на лайнере “Сабены”, на котором я летела. Я умею по лицам стюардесс определять обстановку, как по точным приборам”.

Лада моя от стыда, а может быть от возмущения, румянцем вспыхнула. И знатная дама удовлетворенно заметила: “Ну вот, теперь я спокойна, душечка. Мерси”.

А Логов, альпинист и турист, с восхищением на Ладу смотрел. Встал со своего кресла и идет за Ладой в хвост самолета. Гитару взял и ну петь забавные туристские песенки, правда, все на один манер. Потом говорит ей вполголоса: “Не обращайтесь на эту мымру внимания. Я вас научу, как качку переносить. Все дело в системе дыхания”.

И стал показывать, как надо дышать. А Лада моя опять зеленая стала. Тошно ей, света в глазах не видит.

А он стоит, гитарой проход загораживает, как шлагбаумом: “А еще верней будет, когда прилетим в Красноярск, садануть нам с вами на Столбы. Чуете? Это такая красота! Мы пару восхождений с веревками совершим — и у вас всякое головокружение пропадет. Гарантия с треугольной печатью! А время как проведем! Костер, палатка! Медово-бедово!” — И он прищелкнул языком.

Лада моя решительно отодвинула пассажира и прошла в кабину пилота. Вернулась оттуда и объявила: “Сейчас будет произведена посадка в Норильске для заправки горючим. Желающие могут прогуляться по летному полю или отдохнуть в аэровокзале. А сейчас попрошу всех застегнуть ремни, закрепиться ими к креслам”.

И пошла вдоль кресел, предлагая желающим конфетки-сосучки.

Логов, поигрывая концом незастегнутого ремня и ласково глядя на нее, от конфетки небрежным жестом отказался. А его сосед Эдуард Ромуальдович Пузырев расплылся в улыбке: “Всякие коллекционеры на свете бывают. Представьте, я самолетные конфетки собираю “на память”.

Лада ему улыбнулась.

Девочка Танечка конфетку взяла удивленно, но с удовольствием.

Когда Лада возвращалась по проходу, то увидела в открытой двери в кабину пилотов лицо командира.

Он делал ей глазами знаки.

Пилот Сушкин был первым летчиком, с которым Лада летала. Лицо у него было грубоватое, со шрамом на лбу от какой-то вынужденной посадки. В уголках глаз от привычного прищура не исчезали частые лапки морщин. Подбородок разделялся глубокой ямкой на две части. Лада знала, что не прочь он был выпить, но время рейса считал “заповедным” и, кроме нарзана, ничего не признавал.

“Слушай, Лада, — сказал он хриловатым голосом, кладя тяжелую руку на ее худенькое плечо и прикрывая дверь. — Дрянь дело. Твое дело с пассажирами общаться, панику предотвратить. Прибор показал: заклинило правое шасси. Не то сядем, не то ляжем”.

Лада похолодела вся. А тут открывается дверь из пассажирского салона, и заглядывает Логов: “Прошу простить, товарищ командир. Нечаянно уразумел, что правое шасси у вас заклинило. Бывает”.

“Заходите. Закройте дверь”, — скомандовал летчик.

Логов плотно прикрыл за собой дверь. Глаза его беспокойно бегали: “Я — авиационный конструктор. Знаком с самолетами. Я — спортсмен. Не знаю страха высоты. Позвольте мне выбраться под крыло и устранить повреждение”.

Лада изумленно посмотрела на пассажира. Командир нахмурился: “Вы понимаете, что значит работать во время полета? Представляете, какой ветер вас срывать станет? Страховки не будет”.

“Почему же не будет? Неужели у вас на борту не найдется ни одного парашюта?” “Есть комплект, — пробурчал командир. — Но при перевозке пассажиров пользоваться парашютами нельзя”.

“Так мы и не будем пользоваться, — живо отозвался Логов. — Я просто возьму парашют для перестраховки, чтобы увереннее работать. Я всем телом повисну на шасси. Сто килограммов! А вы включайте механизмы. Одолеем!” “Придется высоту набирать”.

“Я рад, что вы согласились”.

“А как же пассажиры?” — спросила Лада, восхищенно глядя на смельчака. Тот подмигнул ей как заговорщик.

“Пассажирам объявите, что нашелся среди них доброволец, взявшийся в воздухе устранить повреждение, после чего будет

произведена нормальная посадка”, -сухо сказал командир и ушел в кабину управления.

Когда Лада объявила пассажирам слова командира, все как-то притихли, сникли. Эдуард Ромуальдович задумчиво развернул “памятную” конфетку и засунул ее в рот, потом с обиженным видом уселся поглубже в кресло. Василий Васильевич Сходов властно приказал: “Всем сидеть на местах! От вашего спокойствия зависит успех операции. За действиями смельчака наблюдают только те, у кого места рядом с окнами”.

Учительница Таня испуганно прижала к себе дочурку. Ну а остальные моряки, горняки, геологи и строители были люди бывалые. Василия Васильевича поняли с полуслова.

А вот знатная дама Зинаида Георгиевна словно языка лишилась. Позеленела вся, хуже, чем моя Лада от болтанки. Сидит, не шевелится в своем кресле и глотательные движения делает, словно невидимую воду пьет.

Словом, паники не было.

Логов получил парашют, не спеша приладил его у всех на глазах, набил карманы инструментами и пошел выбирать на крыло через проем, который только на стоянке открывают.

Лада прильнула к иллюминатору, смотрит. Видела, как человек на крыле распластался, лежит, за веревку, через проем протянутую, держится. Она знала, что он должен через кожух мотора перелезть и под крыло нырнуть, чтобы под шасси на веревке повиснуть. Она очень удивилась, что он даже не попытался все это сделать.

Неужели растерялся?

Потом она заметила, как руки Логова разжались, он выпустил веревку и стал сползать по крылу, расставив руки и ноги. Его неодолимо сдувало ветром.

Так и не сделав попытки забраться под крыло к заклинившемуся шасси, он сполз с крыла и сорвался вниз.

Самолет предварительно набрал достаточную высоту, чтобы парашютисту было безопасно. И он уже был в полной безопасности. Лада видела внизу белое пятно.

Отстав от самолета, оно приближалось к посадочным знакам аэродрома.

Зинаида Георгиевна оглянулась на Ладу, чтобы по цвету ее лица прочесть, чем закончилась операция. Сама она не видела.

От стыда и гнева Лада моя была пунцовой. О всякой болтанке забыла. Она сходила к командиру и объявила: "Сейчас самолет освободится от остатков горючего. В момент посадки всем оставаться на местах. Командир надеется, что все вы будете спокойны и окажетесь на высоте".

Мы с Куценко к тому времени снова выскочили на поле, следя за парашютом в небе и кружащим самолетом. И сразу же ринулись к бензовозу.

"Никак дождить стало", — бросил на бегу Куценко, вытирая рукавом лицо.

"Горючий дождь, Александр Федорович", — отозвался Ваня Доронин, наш шофер.

"Горючее слить. Зараз! — спохватился начальник аэродрома. — Как бы взрыва не было".

"Да что вы, Александр Федорович! Я и так сумею", — запротестовал Доронин, перепрыгивая через ухаб.

"А ну! Без пререканий! Связь возлагаю на майора милиции Зосиму Петровича! — командовал Куценко. — Во всем подчиняться его указаниям". Он тяжело дышал от непривычного бега, былой борец.

Я тащил на себе походную радиостанцию и немного отстал.

Куценко сел рядом с шофером в бензовоз, Ваня открыл сливной кран. Я примостился между цистерной и кабиной водителя. Мы помчались по ухабам травянистого поля, оставляя за собой едко пахнущий след.

Доехали до ангаров. Там нас ждали рабочие с чехлами и брезентами. Мы набросали их на цистерну, соорудив нечто вроде подушки.

Куценко остался у ангара. Я связался по радио с самолетом и приказал Ване: "Гони!" И мы помчались по ухабам. Нужно было выехать к самому началу посадочной полосы, но так, чтобы оказаться там одновременно с самолетом.

Мы опоздали. Ил-14 с ревом пронесся над нами, когда бензовоз не набрал еще достаточной скорости и безнадежно отстал от него. Мы видели, как самолет снова стал набирать высоту и делать круг для нового захода.

Тут уж и мы приобрели некоторый опыт. Помчались обратно по бетону и остановились на некотором расстоянии от края поля. Я смотрел в небо, задрал голову, и переговаривался с Сушкиным. Его хрипловатый голос был совершенно спокоен, хотя он и вел самолет на диковинную посадку.

Доронин высунулся из кабины и посмотрел на меня: "В самый раз, Зосима Петрович".

И бензовоз рванул на траву, делая круг, чтобы снова оказаться на бетонной полосе уже при полном разгоне. Доронин был лихач, это несомненно. Сейчас он проявлял эти качества в полной мере. Он гнал машину перпендикулярно посадочной полосе со скоростью сто километров в час. Казалось, повернуть на такой скорости и выйти на бетон невозможно. И все же Ваня сделал этот недопустимо крутой разворот. Завизжали по бетону резиновые покрышки. Бензовоз накренился.

Я видел, что какое-то время мы мчались на двух колесах, а не на четырех — уподобились мотоциклу. Зато в самом начале полосы скорость бензовоза была уже около ста.

Нам удалось точно рассчитать заход, и самолет снижался как раз над нами и словно недвижно висел надо мной. Я отчетливо видел приоткрывшиеся створки внизу крыла и заклинившееся там шасси. Оно приближалось ко мне.

Мы должны были заменить его своим бензовозом.

Доронин вел машину по краю дорожки. Я подправлял его, прикидывая, когда крыло самолета коснется мягких чехлов, укутавших цистерну.

Соприкосновение произошло мягко, вполне удачно.

Крыло нежно легло на самодельную подушку. Теперь началось совместное торможение. Тут уж я не руководил. Ваня сам чувствовал Сушкина, сидевшего в кабине пилотов и ему невидимого. Они удивительным, “спевшимся дуэтом” тормозили две машины, словно были, пилот и шофер, единым существом. Остановились оба еще далеко от конца бетонной дорожки.

Ваня выскочил из кабины прямо ко мне в объятия.

“Ну, — говорю, — лихач, слово тебе даю! Не отниму у тебя права, если ты мне как нарушитель попадешься”.

Он смеется и тоже меня обнимает.

Тут и Куценко подоспел. А за ним и самоходный трап как ни в чем не бывало солидно так едет, словно посадка самая обыкновенная произошла.

“Горючее жаль вылили”, — сокрушался Доронин.

Куценко только глазами на него зыркнул.

По трапу спускались пассажиры: геологи, горняки, моряки, строители. Все они на высоте оказались. В числе прочих и Василий Васильевич Сходов, как всегда спокойный, сдержанный. За ним Эдуард Ромуальдович, уже балагурить готов. Конфетную бумажку разглаживает, чтобы пустую, но сложить, а сам бледный, как шкурка песка. Учительница Таня счастьем так и светится, а ее Танечка ручонками к траве аэродромной тянется. За ней — обмякшая, позеленевшая Зинаида Георгиевна. А потом показалась и моя Лада. Едва дождалась, пока пассажиры выйдут, бросилась мне на шею и ревет. Только теперь позволила себе. Я слезы ей вытер и к Ване Доронину подвел.

Так их знакомство и состоялось на летном поле.

Потом мы втроем по нему шли, а следом за нами тащился появившийся здесь Логов и все бубнил: “Я сорвался... Представьте себе, сорвался... Клянусь, сорвался! Я в Красноярске объясню”.

Но Лада не обернулась. Сделала вид, что Ваней занята.

А я обернулся, чтобы получше запомнить лицо парашютиста.

Подполковник милиции закончил свой рассказ.

— Так кого же вы поймали у переезда? — спросил я.

— Как кого? Конечно, Ваню Доронина. Он гнал на Шереметьевский аэродром. Хотел успеть и горючее слить и, как и я, Ладу, свою невесту, встретить. Она на международных рейсах теперь работала. Потому я с ним и поехал.

— Эх, товарищ начальник ГАИ, нарушителя все же не наказали, выходит? — с шутливым упреком сказал мой сосед.

— Почему же не наказал? Наказал. У самого Шереметьева “Москвич” нам попался. Тоже на аэродром спешил. Мигалка у него была зажжена без надобности. Вот его водителя, товарища Логова Игоря Ольговича, как в правах значилось, я и задержал, и в наказание права у него отобрал.

И подполковник милиции хитро улыбнулся.

— А все-таки я хотел бы ясности. Все рассказанное очень трогательно, — сказал самый хмурый из слушателей. — А мне хотелось бы знать, где здесь правда и где вымысел?

— Позвольте, — вмешался я, — у нас принято рассказывать только о том, что могло бы быть.

— Могло бы? А было ли? — проворчал хмурый слушатель.

— Видите ли, — серьезно ответил подполковник. — Фантазия... абсолютно необходима во всяком живом деле. Что же касается того, был ли или не был рассказанный эпизод, то о подобном случае сообщали “Известия” 19 августа 1968 года со ссылкой на то, что в истории авиации такое бывало.